

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

На правах рукописи

Семиглазов Георгий Сергеевич

Рецепция философии Ф. Ницше в теориях анархизма XX века

Специальность: 5.7.2 – История философии

Резюме

диссертации на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук
Лифинцева Татьяна Петровна

Москва, 2022

Оглавление

Актуальность исследования.....	3
Научная разработанность темы.....	6
Объект и предмет исследования.....	15
Цели и задачи исследования.....	15
Теоретическая основа исследования.....	16
Методология исследования.....	16
Новизна исследования.....	17
Апробация.....	18
Положения, выносимые на защиту.....	20
Содержание работы.....	22

Актуальность исследования

Отметим, что вынесенная в заглавие диссертации тема объединяет в себе два крупных блока. Первый из них связан с общей историей рецепции ницшевских работ, повлиявших на мировоззрение многих авторов. К мыслителям, формировавшимся под впечатлением от ницшеанских идей, относятся как известные русские философы Д. С. Мережковский, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк, В. В. Розанов, Л. И. Шестов, так выдающиеся европейские теоретики: М. Вебер, К. Ясперс, М. Хайдеггер, Ж. Делез, Ж.-П. Сартр, Т. Адорно, М. Фуко и ряд других ключевых для современной академической дискуссии имен.

Таким образом, одной из причин, обуславливающей актуальность заявленной темы, является ключевая роль произведений Фридриха Ницше в XX и начале XXI вв. Вне контекста творчества базельского профессора сложно представить себе историю философии прошлого и настоящего. Работы Ницше, вне зависимости от того, как к ним относиться – критически или, наоборот, с уважением, – невозможно обойти стороной, если мы хотим понять духовно-историческую ситуацию эпохи, для которой обозначенные идеи стали одним из символов времени.

Кроме того, актуальность обращения к наследию автора «Заратустры» обусловлена и современной дискуссией. Сегодня можно говорить о формировании отдельного направления исследований под названием ницшеведение, популярного в мировом философском сообществе¹. В данном случае, примечательна ситуация в российском интеллектуальном пространстве. Исследования Ю. В. Синеокой демонстрируют², что учение немецкого мыслителя с конца 90-ых гг. XX в. обрело второе рождение в

1 Например, об этом свидетельствует международное периодическое издание *Journal of Nietzsche studies*, выходящее с 1991 г. на английском языке. Здесь публикуются ведущие современные ницшеведы, такие как Т. Стронг, Л. Хэтэб, Д. Оуэн и др.

2 См. Синеокая Ю. В. Восприятие идей Ницше в России: основные этапы, тенденции, значение // Фридрих Ницше и философия в России. Сборник статей. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1999. С. 7 – 38; Синеокая Ю. В. Философия Фридриха Ницше как зеркало конструирования постсоветской национальной идентичности России // Вопросы философии. 2015. № 12 и др.

России, что позволяет констатировать ницшевский ренессанс в нашей стране. Этот образ, предложенный Ю. В. Синеокой, наилучшим образом описывает положение дел, сложившееся вокруг базельского профессора.

Существующий интерес подтверждает публикация ницшевского «Полного собрания сочинений», работа над которым завершилось в 2014 г. издательством «Культурная революция». Реактуализация философии базельского профессора демонстрирует, что последняя не утратила своей значимости, предоставляя важные концепты для анализа современности.

Тем не менее, к ницшевскому творчеству принято обращаться в контексте философии культуры и религии, тогда как политической мысли базельского профессора, и в частности, взаимодействию его учения с теориями анархизма, едва ли отводится должное внимание. Исходя из этого, диссертация может быть интересна как отечественным, так и зарубежным ницшеведам, поскольку заявленная тема исследования не столь хорошо известна и разработана, а поэтому вопрос о том, как возможно пересечение идей Ницше с анархическими программами все еще остается открытым. Данная диссертация как раз и пытается ответить на него.

Вторая часть исследования непосредственно связана с теорией анархизма в XX и XXI вв. Практически для каждой страны возможно написать свою собственную историю анархического движения. Поэтому в текущей диссертации анализируется не история анархизма в целом, но только те анархические теоретики, творчество которых напрямую пересекалось с ницшевской философией.

Анархизм в качестве социально-политического движения стал знаковым феноменом общественной жизни многих государств, например, России, Германии, Франции, Испании и США. В связи с этим, обращение к анархическим программам позволяет сформировать цельный социально-политический образ XX и частично XXI вв., без чего невозможно вести речь о политической философии, для которой анархизм всегда был и остается

своеобразным слепым пятном, рискующим как подорвать саму традицию политической мысли, так и одновременно ее обогатить.

Кроме того, в современном мире анархизм является одним из флагманов социальных движений в ряде стран³. О популярности этой теории в том числе свидетельствуют и Интернет-платформы, напрямую посвященные анарховедению (см. созданный в 2019 г. ресурс Akrateia.info или же «Библиотека анархизма», доступный на различных языках). В связи с обозначенным ростом известности анархической идеологии, от философов требуется осмысление целей и задач этого социального проекта в реалиях XXI в. Включение анархистских идей в широкую академическую дискуссию может непосредственно способствовать ее оживлению и теоретическому разнообразию, чего порой остро не хватает.

Наконец, обращение к двум названным блокам исследований вместе взятым обусловлено одной глобальной проблемой. Сам Ницше – вне зависимости от того, считаем ли мы его политическим мыслителем или нет, – относился к анархизму негативно. Тем не менее, большое количество анархистов, о которых пойдет речь ниже, выросли из ницшеанского творчества, пытаясь изобразить автора «Заратустры» как прото-анархического теоретика. Отсюда возникает задача понять, какие идеи базельского профессора оказали ключевое влияние на анархизм и продолжают оказывать до сих пор, а также почему анархисты не смогли обойти стороной немецкого философа.

По этим вопросам еще не написано достаточного количества историко-философских исследований, комплексно анализирующих связь ницшеанства и анархизма, что говорит в пользу актуальности диссертации, должной заполнить эту лакуну.

³ См. Хохлова Д. Исландская модель демократии как символ нового популизма // Власть, 2017 (6). С. 160 – 164; Хохлова Д. Постанархия как альтернативный политический режим // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2017. Том 9, № 3. С. 312 – 32, и др. Также можно указать на попытки современных исследователей проанализировать различные социальные волнения с позиций ницшеанской философии. Например, см. Iliopoulos Ch. *Nietzsche & Anarchism: An Elective Affinity and a Nietzschean reading of the December'08 revolt in Athens*. Vemon Press, 2019.

Научная разработанность темы

Говоря о степени разработанности поставленной темы, удобно разделить имеющуюся литературу на две группы: первую составляют исследования, посвященные исключительно философии Фридриха Ницше; вторую – те работы, которые в первую очередь фокусируются на истории анархических движений и теориях анархизма.

Обращаясь к первому блоку, связанному с интеллектуальной биографией автора «Заратустры», можно назвать как классические тексты, так и современные исследования, посвященные этой теме. К классическим монографиям относится тот список книг о Ницше, которые были написаны выдающимися мыслителями прошлого века. Особенность подобного рода исследований заключена в том, что в них факты из биографии базельского профессора непосредственно определены их философской интерпретацией тем или иным автором, обладающим своим уникальным и неповторимым стилем мышления.

К подобным работам следует отнести монументальные труды К. Ясперса⁴, К. Левита^{5 6}, Л. Клагеса⁷, М. Хайдеггера^{8 9}, Ф. Г. Юнгера¹⁰, А. Данто¹¹, Ж. Делеза¹², М. Фуко¹³ и другие исследования. Несомненно, этот список можно продолжить и дальше. В некотором смысле, он составляет

4 Ясперс К. Ницше. Введение в понимание его философствования. СПб.: Владимир Даль, 2004.

5 Левит К. Ницшевская философия вечного возвращения того же. М.: Культурная революция, 2016.

6 Левит К. От Гегеля к Ницше. Революционный переворот в мышлении XIX века. СПб.: Владимир Даль, 2001.

7 Клагес Л. Психологические достижения Ницше. М.: Культурная революция, 2016.

8 Хайдеггер М. Ницше. Т.1. СПб.: Владимир Даль, 2006; Хайдеггер М. Ницше. Т.2. СПб.: Владимир Даль, 2007.

9 Хайдеггер М. Кто такой Заратустра у Ницше? URL: <http://www.nietzsche.ru/look/xxa/why-is-zaratustra/#:~:text=Кто%20суть%20Заратустра%20у%20Ницше,вечном%20возвращении%20того%20же%20с%20амого> (дата обращения 11. 12. 2020); Хайдеггер М. Слова Ницше «Бог мертв». URL: <http://www.nietzsche.ru/look/xxa/heider/#:~:text=Слова%20«Бог%20мёртв»%20означают%3A,западная%20философия%2C%20понятая%20как%20платонизм.&text=Поэтому%20для%20метафизики%20и%20через,%2C%20собственно%2C%20совершается%20как%20метафизика> (дата обращения 11. 12. 2020).

10 Юнгер Ф. Ницше. М.: Практика, 2001.

11 Данто А. Ницше как философ. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.

12 Делез Ж. Ницше и философия. М.: Ад Маргинем, 2003.

13 Фуко М. Ницше, генеалогия, история. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000552/> (дата обращения 11. 12. 2020).

важный теоретический фундамент для всякого ученого, занимающегося ницшеведением. Тем не менее, у этих текстов есть ряд сложностей. А именно, перед каждым интерпретатором и комментатором Ницше встаёт проблема: исследователь всегда должен быть начеку, поскольку необходимо уметь отличать непосредственные факты из жизни Ницше и его оригинальные идеи от той интерпретации, которую давали им крупные мыслители XX столетия, порой чрезмерно привнося свою личную позицию в речь о философии базельского профессора (двухтомник Хайдеггера в этом плане наиболее показателен).

Если же говорить про современный академический формат монографий, то актуальными для текущей диссертации являются публикации отечественных исследователей и переводчиков ницшевского наследия: К. Свасьяна¹⁴, В. Подороги¹⁵, Ю. Синеокой и Н. Мотрошиловой¹⁶, Б. Маркова¹⁷, А. Перцева¹⁸ и др.

Например, работы Ю. В. Синеокой и Н. В. Мотрошиловой предоставляют подробную историю рецепции ницшевской философии в России, включающую в себя три этапа: 1900-ые гг. прошлого века; затем период с 20-ых по 80-ые гг., и, наконец, с 90-ых до настоящего времени. Эта тема подробнее раскрывается в таких монографиях, как «Ницше и философия в России» (1999) или же «Ницше: pro et contra» (2001)», показывающих, что традиция ницшеведения в нашей стране уходит корнями еще в конец XIX столетия, насчитывая большое количество публикаций (654 позиций с 1882 по 2000 гг.). Современному же статусу ницшевской философии в России и мире посвящен коллективный сборник статей

14 Свасьян К. Ф. Ницше. Мученик познания // Ницше Ф. Сочинения в 2 т. Т. 1. Литературные памятники. М.: Мысль, 1990. С. 5-46.

15 Подорога В. Выражение и смысл. Ландшафтные миры философии. М.: Ad Margeneim, 1995.

16 Синеокая Ю. (ред), Мотрошилова Н. (ред.). Фридрих Ницше и философия в России: Сборник статей. СПб.: Русский Христианский гуманитарный институт, 1999; Синеокая Ю. (ред.), Полякова Е. (ред.) Фридрих Ницше. Наследие и проект. М.: Издательский дом ЯСК, 2017.

17 Марков Б. Человек государство и Бог в философии Ницше. СПб.: Владимир Даль, 2005

18 Перцев А. Фридрих Ницше у себя дома. Опыт реконструкции жизненного мира. СПб.: Владимир Даль, 2009; Перцев А. Незнакомый Ницше. Психолог, остроумец и знаток женщин. СПб.: Владимир Даль, 2014.

«Фридрих Ницше. Наследие и проект» (2017), где исследователи пытаются ответить на вопрос, каким образом Ницше сегодня актуален для философской дискуссии.

Однако следует отметить, что среди отечественного ницшеведения так или иначе прослеживается тенденция рассматривать наследие базельского профессора с перспектив философии культуры, этики, религии или же языка (в чем слышится отзвук самых первых попыток интерпретации Ницше российскими мыслителями начала XX в.). Несомненно, подобные сюжеты обладают важным статусом внутри ницшевского творчества, требуя к себе пристального внимания и строго научного анализа.

Непосредственно сюжету текущей диссертации – вопросу Ницше и политика, частным аспектом которого является тема Ницше и анархизм, – отечественные ученые склонны уделять чуть меньше внимания¹⁹. В связи с этим, необходимо обратиться к публикациям западных коллег, анализирующих творчество базельского профессора сквозь этот ракурс куда чаще. В частности, можно указать на следующие фундаментальные работы Т. Стронг²⁰; Л. Хэтэба²¹, Х. Дрошена²²; Ф. Апделя²³; М. Булла²⁴ и некоторые сборники статей²⁵. Например, Х. Дрошен полагает, что Ницше актуален сегодня для политической философии, позволяя переосмыслить ряд ее ключевых понятий, таких как государство, демократия, международная политика. Ницше может напомнить, что политика невозможна без духовного воспитания, и поэтому, как считает Дрошен, если сегодня все еще

19 Хотя нельзя сказать, что эта дискуссия совершенно обходится стороной. См. например. Каплун В. (ред.) (2003) Ницше и современная западная мысль. СПб., М.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, Летний сад.

20 Strong T. Friedrich Nietzsche and the Politics of Transfiguration, Berkley, Los Angeles, London: University of California Press, 1988; Strong T. Nietzsche and the Political: Tyranny, Tragedy, Cultural Revolution, and Democracy // The Journal of Nietzsche Studies, Issue 35/36, Spring/Autumn 2008, pp. 48-66.

21 Hatab L. Nietzsche's Will to Power and Politics // Nietzsche as Political Philosopher, eds. Manuel Knoll and Barry Stocker. Berlin: Walter De Gruyter, 2014; Hatab L. Breaking the Contract Theory: The Individual and the Law in Nietzsche's Genealogy // Nietzsche, Power and Politics: Rethinking Nietzsche's Legacy for Political Thought, ed. by H. Siemens and V. Roodt. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2008, pp. 169 – 191.

22 Drochen H. Nietzsche's Great politics. Princeton University Press, 2016.

23 Аппель Ф. Ницше против демократии. СПб.: Наука, 2016.

24 Булл М. Анти-Ницше. М.: Издательский дом Дело, 2016.

25 Golomb J. (ed.), Wistrich R. (ed.) Nietzsche, Godfather of Fascism? Princeton University Press, 2009.

сохраняется вера в демократию, то с необходимостью должны предприниматься и те процедуры, которые бы воспитывали людей в демократических идеалах – культура и большая политика по мнению Ницше всегда шли нога в ногу друг с другом.

В свою очередь, Л. Хэтэб также отмечает, что базельский профессор актуален сегодня в первую очередь для теории демократии. Однако, вместо господствующей представительной демократии Хэтэб предлагает модель агональной демократии, где люди равным образом участвуют в политической жизни, пытаясь тем самым двигаться к лучшему и справедливому сообществу через открытую конкуренцию. Подобный проект, как полагает Хэтэб, на имплицитном уровне содержался в философии Ницше, защищавшего агональность как ключевую силу развития человечества. Схожей позиции придерживаются и другие авторы, упомянутые выше.

Конечно, это лишь часть публикаций, однако даже на примере перечисленных работ прослеживается примечательная тенденция. В контексте вопроса «Ницше и политика» обсуждаются сюжеты демократической трактовки ницшеанских концептов, критика национал-социалистической фальсификации наследия базельского профессора, а также реконструкция собственных взглядов немецкого философа на цели и задачи политики. Вопросу же «Ницше и анархизм» отводится куда меньше внимания, что, очевидно, демонстрирует необходимость отдельного исследования по этой теме, которым и должна стать заявленная диссертация.

Если обратиться к текстам, посвященным истории анархизма, то здесь ситуация не так однозначна. По моему мнению, идеи анархизма в российской философии рассматриваются куда реже, чем ницшевское творчество. Хотя, конечно, нельзя сказать, что не рассматриваются совершенно, поскольку за два десятилетия XXI в. количество публикаций, посвященных анархической

теории, внутри отечественного академического сообщества увеличивается год от года.

Говоря о ключевых российских исследователях анархизма, следует упомянуть П. В. Рябова, в особенности его серию работ про об А. А. Боровом, анархисте-ницшеанце начала XX столетия²⁶. Тексты П. В. Рябова предоставляют подробный анализ учения этого русского теоретика анархизма, в некотором смысле являясь переоткрытием творчества Борового в современной научной дискуссии. Однако из-за очевидной симпатии автора к анархизму, публикации П. В. Рябова не всегда затрагивают противоречивые моменты анархической теории. Текущая диссертация стремится заполнить данный пробел, взглянув на фигуру А. Борового более отстранено, подвергнув ряд положений его персоналистического анархизма критическому анализу с целью выявления в них затруднений.

Также среди отечественных специалистов по анархизму важно упомянуть И. В. Аладышкина. Его исследования главным образом посвящены российскому анархо-индивидуализму начала XX столетия²⁷. Предоставляя блестящие фактологические сведения, на которые опирается в том числе и автор этой диссертации, тексты И. В. Аладышкина, тем не менее, не всегда дают философское осмысление творчества отечественных анархистов. Поэтому диссертация пытается восполнить нехватку теоретического анализа работ таких российских анархистов-ницшеанцев, как Л. Черный и А. Боровой, рассмотрев те элементы их учения, которые были сформированы непосредственно под влиянием идей базельского профессора.

26 Рябов П. В. «Былое и думы» Алексея Борового // Человек, 2010, № 3; Рябов П. В. Романтический анархизм Алексея Борового (из истории русской философской жизни) // Историко-философский ежегодник 2011. М.: Наука, 2013; Рябов П. В. Анархическая философия Алексея Борового (из истории русского бергсонизма) // Вестник балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки, 2010; Рябов П. В. Алексей Боровой и философия Фридриха Ницше (из истории русского ницшеанства в начале XX века) // Преподаватель XXI век. 2010 (2) и др.

27 См. Аладышкин И. На «окраине» общественно-политической жизни Российской империи (к истории становления анархо-индивидуализма в первое десятилетие XX века) // Вестник Санкт-Петербургского университета, 2009. Сер. 2, № 1. С. 116 – 122; Аладышкин И. Загадки издательства «Индивид». Из истории российского анархо-индивидуализма // Клио, 2 (41), 2008. С. 70 – 75.

Наконец, необходимо указать на публикации В. В. Дамье, связанные с историей анархо-синдикализма в XX в²⁸. Здесь ситуация схожа с работами И. В. Аладышкина. Тексты В. В. Дамье анализируют эволюцию синдикалистских идей с момента их возникновения в XIX в. и вплоть до постепенного упадка в середине прошлого столетия. Тем не менее, фокусируясь исключительно на истории социальных движений, работам В. В. Дамье время от времени не достает теоретического разбора творчества ключевых синдикалистских теоретиков, таких как Р. Роккер или же Ж. Сорель. Данная диссертация предпринимает подобный анализ.

Отдельным пунктом в контексте исследований о российском анархизме следует назвать энциклопедические статьи и архивные документы, способные внести ясность в историю отечественного анархистского движения²⁹. Эти материалы позволяют выявить особенности взаимодействия друг с другом различных анархических групп, действовавших на территории Российской империи и СССР в начале XX столетия. Кроме того, архивные сведения в том числе проясняют и некоторые причины взлета и падения российского анархизма, частично затрагивая интересующий меня сюжет связи анархической теории и ницшеанской философии.

Таким образом, хотя сегодня анарховедение в России скорее не входит в передовые направления научных исследований, допустимо констатировать наличие интереса к этой сфере, а также запроса на расширение возможных дискуссионных тем внутри этой области.

Если говорить про зарубежные anarchist studies, то можно признать, что здесь история и теория анархизма реконструирована куда более подробно. Например, обращение к англоязычной литературе особенно актуально при разговоре о постанархизме, феномен которого практически не затрагивается

28 Дамье В. История анархо-синдикализма. Краткий очерк. М.: Книжный дом «Либроком», 2010.

29 Завелев А. (ред.) Политические партии России: история и современность. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН); Кривенький В. Анархисты. Документы и материалы. 1883 – 1935 гг. В 2 тт.. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1999 и др.

в русскоязычных периодических изданиях, за исключением публикаций Д. Б. Полякова³⁰.

Среди наиболее значимых текстов зарубежных авторов следует упомянуть работы Г. Вудкока³¹, А. Скирда³², А. Антлифа³³, Р. Грэхэма³⁴, анализирующих историю анархизма сразу в нескольких странах, в том числе в Германии, Франции и Америке, и поэтому являющихся тем отправным пунктом, благодаря которому становится возможным непосредственно обратиться к анархической рецепции ницшеанства, располагая общими сведениями об истории анархизма в конкретной стране.

Указывая исследования, на основе текстологического анализа которых можно подробнее изучить судьбу анархизма в конкретной стране, необходимо отметить работы А. Карлсона³⁵, К. Парвулескью³⁶, Е. Лунна³⁷, С. Тэйлора³⁸, М. Граур³⁹, Р. Пэрри⁴⁰, С. Паркера⁴¹, Л. Портиса⁴², Л. Кертиса⁴³, П. Эврича⁴⁴, П. Глазгольда⁴⁵ и др. На основе этих монографий, а также ряде сопутствующих статей, возможно понять контекст, условия возникновения и развития анархического движения в таких странах, как Германия, Франция или, например, США. Кроме того, исследования, непосредственно

30 Поляков Д. Ницшеанская «воля к власти» в контексте постанархизма // Интеллект, инновации инвестиции, 2016 (1). С. 71 – 73.

31 Woodcock G. Anarchism: A History Of Libertarian Ideas And Movements, New York: Meridian Books, 1962.

32 Skirda A. Facing the Enemy. A history of Anarchist organization from Proudhon to May 1968. AK Press, 2002.

33 Antliff A. Anarchy and Art. From Paris Commune to the Fall of Berlin wall. Vancouver: Arcenal Pulp Press, 2007.

34 Graham R. (ed.) Anarchism. A documentary history of liberterian ideas. Monreal, New York, London: Black books, 2005, 2009, 2013.

35 Carlson A. Anarchism in Germany, Vol.1: The Early Movement. The Scarecrow Press, 1972.

36 Parvulescu C. The individualist anarchist discourse of early interwar Germany. Presa Universitara Clujeana, 2018.

37 Lunn E. Prophet of community. The Romantic Socialism of Gustav Landauer. University of California Press, 1973.

38 Taylor S. Left-wing Nietzscheans, The politics of German Expressionism 1910 – 1920. Walter de Gruyter, Berlin, New York, 1990.

39 Graur M. An Anarchist Rabbi: The Life and Teachings of Rudolf Rocker. New York: St. Martin's Press, 1997.

40 Parry R. The Bonnot Gang. The story of the French illegalists. Rebel press, 1987.

41 Parker S. (ed.) Enemies of Society: An Anthology of Individualist and Egoist Thought. Ardent Press, 2011.

42 Portis L. Georges Sorel. (URL: <https://libcom.org/library/georges-sorel-larry-portis> (дата обращения: 21. 01. 2020)).

43 Curtis M. Three against Old Republic. Princenton University Press, 2015.

44 Avrich P., Avrich K. Sasha and Emma. The Anarchist Odyssey of Alexander Berkman and Emma Goldman, The Belknap Press of Harvard University Press. 2012.

45 Glassgold P. Anarchy! An Anthology of Emma Goldman's Mother Earth, Berkley: Counterpoint, 2012.

посвященные таким анархическим теоретикам-ницшеанцам, как Г. Ландауэр или же Р. Роккер, позволяют отечественным ученым подробнее узнать о жизни этих неоднозначных мыслителей, что в российском академическом пространстве, как уже было замечено ранее, не является столь популярным предметом для изучения. Однако повторимся, что эти тексты практически не обсуждают интересующий нас философский сюжет о пересечении анархистской программы с ницшевской мыслью.

Наконец, последней группой исследований, релевантных для выбранной темы, являются публикации, посвященные современному постанархизму⁴⁶. В этих работах критически обсуждаются основы постанархической программы, сформулированные такими ее ключевыми теоретиками, как, например, Л. Колл или же С. Ньюмен. Упомянутые исследования позволяют скорректировать понимание философского фундамента постанархизма, так или иначе возникающего за счет прямого использования ницшевского творческого наследия.

Если говорить о российских исследователях, напрямую обращающихся к феномену постанархизма, то в первую очередь следует указать на публикации Д. Б. Полякова⁴⁷. Хотя Д. Б. Поляков анализирует в том числе и взаимосвязь ницшевской философии с постанархической мыслью, нам этот анализ представляется недостаточным и не всегда последовательно критическим. А так как в рамках современной отечественной философии постанархизм едва ли известен, то расширение и углубление дискуссии по этой теме в любом случае выглядит необходимым.

Подводя итоги анализа степени научной разработанности темы, следует признать, что два сюжета – история ницшеанства и история анархизма – сами по себе обладают большой степенью изученности как среди российского, так и мирового научного сообщества. Однако то же самое нельзя сказать про

46 Purkis J. (ed.) *Changing anarchism. Anarchist theory and practice in a global age*. Manchester University Press, 2004; Rousselle D. (ed.) *Post-Anarchism. A Reader*. PlutoPress, 2011; Christoyannopoulos A. (ed.), Adams M. (ed.) *Essays in Anarchism and Religion. Vol.1*. Stockholm: Stockholm University press, 2017 и др.

47 Поляков Д. *Постанархизм. Субъект в пространстве власти*. Чита: ЗаБИЖТ, 2019.

совмещение этих сюжетов в единое целое, поскольку такого рода публикаций в разы меньше, чем по каждому из исследовательских вопросов в отдельности.

Одной из таких работ (помимо трудов К. Парвулескью или С. Тейлора), известной автору диссертации, где философия Ницше и анархическая мысль, взятые вместе, непосредственно являются предметом исследования, оказывается сборник статей под редакцией Дж. Мура⁴⁸. Тем не менее, существенная проблема сборника состоит в том, что он написан в первую очередь самими анархистами для других анархистов, а поэтому не всегда дает адекватный критический анализ ницшеанских идей. Например, М. Кэфэрд, один из соавторов, пишет следующим образом о взаимосвязи ницшевской философии и анархизма: «Вероятно, в истории европейской мысли не было такой сильной критики государства, как в выпадах [vilification] Заратустры против "Нового идола"»⁴⁹. Однако это утверждение выглядит достаточно спорным, поскольку М. Кэфэрд ссылается на ницшеанскую критику государства из «Так говорил Заратустра» вне общего понимания политики базельским профессором, рассматривая критические нападки на «холодное чудовище» изолированно. Это не вполне справедливое решение, поскольку ницшевское отношение к политике и государству куда сложнее по сравнению с тем, что сформулировано в «Так говорил Заратустра»

Исходя из всего вышесказанного о степени научной разработанности темы, а также в связи с обозначенной ранее актуальностью диссертации, мне и представляется интересным соединить две исследовательские проблемы в одну, непосредственно рассмотрев анархическую рецепцию ницшеанства в XX столетии и современности. В этом также заключена и новизна исследования, совмещающего в себе как анализ исторических предпосылок,

48 Moore J. (ed.) *I Am Not A Man, I Am Dynamite! Friedrich Nietzsche and the Anarchist Tradition*. Autonomedia, 2004.

49 Cafard M. *Nietzschean Anarchy and the Post-Mortem Condition // I am not a man, I am Dynamite! Friedrich Nietzsche and the Anarchist tradition*, ed. by Moore J. Autonomedia, 2004. P. 92.

так и философско-теоретический разбор текстов, зачастую отсутствующий у других авторов, обращающихся к дискуссии об анархизме и философии Ницше.

Объект и предмет исследования

Объектом исследования являются как произведения самого Ф. Ницше, так и ряд ключевых работ анархических теоретиков XX и XXI столетий.

Предмет исследования составляет анархическая интерпретация ницшеанства в качестве оригинального интеллектуального феномена, по ряду обозначенных до это причин вызывающая интерес для подробного изучения.

Цели и задачи исследования

Целью исследования является историко-философская реконструкция анархической рецепции философии Ф. Ницше у наиболее значимых идеологов анархизма XX и частично XXI столетия, с выявлением особенностей использования основных философских понятий немецкого мыслителя в работах по теории анархизма.

Для достижения названных целей необходимо решить следующие **задачи**:

- 1) Реконструировать ницшевскую политическую философию и особенность ницшевской оценки анархизма
- 2) обнаружить анархические истоки в собственном ницшевском творчестве
- 3) проанализировать предпосылки возникновения и развития анархизма, а также предысторию ницшеанства в конкретной стране, показав параллельную динамику этих процессов
- 4) отталкиваясь от этого, рассмотреть интерпретацию учения немецкого мыслителя у ряда анархических теоретиков в контексте использования ключевых понятий ницшевской философии (воля к власти, вечное возвращение и др.)

- 5) обратиться к современной теории постанархизма, чтобы выявить линию преемственности как с анархическим учением прошлого, так и непосредственно с идеями Ницше

Теоретическая основа исследования

В теоретическую основу исследования входят упоминавшиеся выше тексты классиков ницшеведения, таких как К. Ясперс, К. Левит, М. Хайдеггер, Ж. Делёз, М. Фуко и др. – ведущих мыслителей XX столетия. За счет опоры на них можно значительно обогатить собственное понимание ницшеанских идей, скорректировав его в ту или иную сторону. Сюда же входят обозначенные выше публикации как отечественных, так и зарубежных исследователей как философии Ницше, так и анархической мысли.

Методология исследования

Для того, чтобы достижение заявленных целей и задач было возможно, следует руководствоваться соответствующей методологией, релевантной для историко-философских исследований. Такими методами является метод *герменевтической интерпретации*, уходящий корнями к работам В. Дильтея, а также более современный метод *истории идей*, который предполагает, что идеи – самостоятельный объект изучения, меняющийся от одной эпохи к другой, а кроме того, обладающий своими особенностями и законами развития. Нацеленные на понимание того или иного текста и раскрытие его смысла, эти методы позволят достигнуть целей и задач исследования, понять, почему учение Ницше получило признание у большого числа анархистов.

В частности, герменевтический метод предполагает, что предмет исследования всегда автономен по отношению к познающему субъекту, который и пытается познать уникальные и неповторимые черты объекта своего изучения. Собственно, на эту предпосылку и опирался автор

диссертации, предполагая, что анархическая рецепция ницшеанства – самобытный интеллектуальный феномен, требующий разностороннего анализа, который, как отмечалось выше, пока что отсутствует.

Кроме того, герменевтический метод предполагает, что смысловое содержание текста всегда обусловлено той эпохой, в которую создается конкретное произведение, а поэтому понимание работы возможно только при условии того, когда учитывается исторический контекст создания текста. Это допущение важно для историко-философского исследования, и в диссертации отдельное место отводится реконструкции тех исторических обстоятельств, которые и привели к возникновению анархической рецепции ницшеанской мысли в начале XX в.

В свою очередь, метод истории идей позволяет выделить перечень главных концептов ницшеанской философии (вечное возвращение, воля к власти и т.д.), выявить их базовую дефиницию внутри текстов базельского профессора, а затем рассмотреть, как эти же самые понятия используются у анархических теоретиков, какие новые оттенки смысла приобретают и в каком контексте они начинают функционировать. Исходя из этого возможно понять, насколько конкретный автор последовательно применяет ницшеанские идеи при построении своего анархического учения, в чем анархическая интерпретация согласуется, а в чем расходится с собственной философией автора «Заратустры».

Новизна исследования

Как уже отмечалось выше, среди академических исследований, посвященных ницшеанскому учению, тема взаимосвязи идей базельского профессора и анархических учений практически обходится стороной, поскольку предполагается, что анархическая рецепция либо не стоит того, чтобы ей уделять внимание (это обусловлено общим маргинальным статусом анархологии), либо расценивается как самоочевидная. Кроме того, Ницше

скорее известен как консервативный мыслитель, а поэтому левые радикальные интерпретации его философии вероятно не вписываются в общие рамки понимания его философского наследия.

Диссертация же комплексно реконструирует именно эту левую радикальную рецепцию ницшеанства, пытаюсь взглянуть на творчество философа исходя из другой перспективы, отличной от ницшевского консерватизма. В этом и заключается главная новизна работы, показывающей актуальность учения базельского профессора для анархизма.

Наконец, в связи со своей философской самобытностью, анархическая трактовка текстов Ницше не может быть очевидной, скорее наоборот – сложной, и скрывающей в себе множество подводных камней. Поэтому автор диссертации также пытается показать, что анархизм в качестве учения в XX в. был сложной философской системой, обладающей рядом особенностей понимания природы человека, государства, общества и культуры, что напрямую было обусловлено ницшевской мыслью.

Апробация

Результаты исследования были апробированы в серии статей в периодических изданиях, входящих в список ВАК. Scopus и Web of Science. Кроме того, по теме диссертации были прочитаны доклады на конференциях международного и всероссийского уровня, что показывает актуальность проведенной работы для области историко-философских исследований. Диссертация может быть интересна как для тех, кто непосредственно изучает философию Фридриха Ницше, так и специалистам в области истории философии, политической философии и всех, кто интересуется историей идей XX века.

Конференции и летние школы

1. Война и мир, насилие и ненасилие в русской литературе и философии. К 190-летию со дня рождения Л. Н. Толстого (27-30 июня, 2018, Белгород). Доклад: Насилие и миф как ответ на кризис парламентаризма начала XX века (на примере творчества А. Борового и Ж. Сореля).
2. V Международная школа для молодежи "Философия войны" (4-8 июля, 2018, Белгород). Доклад: Влияние ницшеанских идей на анархическую программу: вопрос о насилии в творчестве А. Борового и Ж. Сореля.
3. Актуальность идейного наследия Ю. Н. Давыдова в свете старых-новых проблем социальной теории (17 октября, 2019, Москва). Доклад: Ницше contra Толстой как сюжет русской философии и его переосмысление в творчестве Ю. Н. Давыдова.
4. Ницше-семинар (12-13 октября, 2019, Елец). Доклад: "Так говорил Заратустра" и теории анархизма XX века.
5. Способы мысли, пути говорения. X международная конференция (22-26 апреля, 2019, Москва). Доклад: К актуальности ницшевского концепта «вечного возвращения» для теорий анархизма XX в.
6. Участие в «Ницше-семинаре» (17-18 октября, 2020, Москва). Тема доклада: Рецепция философии культуры Ф. Ницше в проекте анархо-синдикализма Р. Роккера.
7. Международная научная конференция «Легитимное господство, харизма и ведение жизни: Макс Вебер и поствеберовская социология (1920–2020)». Москва, НИУ ВШЭ, 10 – 11 сентября 2021 года. Доклад: Макс Вебер в контексте анархической оптики: социологический номинализм и анархическое видение мира.
8. Междисциплинарная научная конференция «Политическая теология советского модерна: от революционных доктрин посюстороннего спасения к культурным практикам социалистического строительства», 18 – 19 марта 2022 г., Москва, НИУ ВШЭ. Доклад: Алексей Боровой об анархическом идеале.

9. Междисциплинарная научная конференция «Картины мира» и «отношение к миру»: основные понятия Макса Вебера и перспективы фундаментальной социологии», 16 сентября 2022, Москва, НИУ ВШЭ. Доклад: Теория бюрократии М. Вебера – современная критика слева.

Публикации по теме диссертации:

Работы, опубликованные автором в журналах, индексируемых в международных базах индексации и цитирования, а также входящих в списки журналов высокого уровня НИУ ВШЭ:

1. Семиглазов Г. «Анархия субъекта» и концепция индивида в философии Ф. Ницше // Вопросы философии. 2020. № 4. С. 177-186
2. Семиглазов Г. Забытый индивидуалист Жорж Палант // Вопросы философии. 2021. № 6. С. 109-119.
3. Семиглазов Г.С. Анархическая социометрия Льва Черного // Социологический журнал. 2021. Том 27. № 1. С. 122-138

Иные публикации по теме диссертации:

1. Семиглазов, Г.С. Е. Дюринг и Ф. Ницше: сопоставление двух философских проектов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. № 54. С. 122-132.
2. Семиглазов Г. С. Мистический анархизм Густава Ландауэра // История философии. 2020, Т. 25, № 1. С. 49-61.
3. Семиглазов Г. С. Понятие государства в работах М. Вебера и Г. Ландауэра: анализ веберовского определения из перспективы анархической теории // Социология власти, 2020. 32 (4). С. 123-145.

Положения, выносимые на защиту

1. Анархическая рецепция Ницше – самостоятельный интеллектуальный феномен, который требует также исследовательского внимания,

помимо классических сюжетов, связанных с философией культуры и религии немецкого философа.

2. Ключевой автор, за счет которого пересечение учения Ницше с анархизмом оказывается возможным – это Макс Штирнер, младогегельянец середины XIX столетия.
3. В этой связи, идеи Ницше в первую очередь оказываются близки к такому направлению анархизма, как анархо-индивидуализм, однако им одним не ограничиваются.
4. Анархическая рецепция текстов Ницше вариативна – разные авторы делают акцент на разных аспектах ницшевского учения.
5. Тем не менее, анархическая рецепция вращается вокруг нескольких основных понятий ницшеанской философии: вечное возвращение, воля к власти, ressentiment.
6. Анархическая рецепция Ницше влияет на возникновение неклассического анархизма.
7. Закономерным следствием эволюции анархических идей является появление постанархизма, который продолжает прочитывать Ницше анархически.
8. Первым отличием неклассического анархизма от классического является отказ от рациональной природы человека, на которую якобы опирались классики. Поэтому учение Ницше здесь становится релевантным в контексте критики эссенциализма.
9. Вторым отличием является понимание государства. Государство – не машина и не вышестоящая организация, но это именно люди и формы взаимодействия между ними. Тут философия Ницше также оказывается актуальной в контексте политической онтологии.
10. Наконец, последнее отличие классиков от современных авторов заключается в оценке власти. Власть больше не рассматривается как отрицательный феномен, но она пронизывает все отношения между

людьми. Это понимание власти также согласуется с ницшевским учением о воле к власти в качестве движущей силы всего сущего.

Содержание работы

Диссертация состоит из **Введения, четырех глав, Заключения и Списка литературы.**

Во **Введении** обсуждается актуальность и новизна исследования, его основные цели и задачи, а также та методология, при помощи которой цели оказываются достижимы. Кроме того, здесь формулируется главная проблема, вокруг которой выстраивается диссертация, а именно, как возможна анархическая рецепция ницшеанства при условии того, что сам базельский профессор оценивал это социально-политическое учение негативно.

Глава 1 обращается к политической мысли Ф. Ницше. В этой главе реконструируются основные ницшевские размышления насчет происхождения, целей и задач государства, а также общее видение политической области немецким философом. Кроме того, затрагиваются возможные линии пересечения между Ницше и современными ему мыслителями, имевшими прямое и косвенное отношение к анархическому учению (М. Штирнер, М. Бакуни, Л. Толстой).

Структурно глава состоит из двух параграфов. В **Параграфе 1** анализируется политическая философия автора «Человеческого, слишком человеческого». Отмечается, что взгляды Ницше на политику и государство проделали эволюцию от раннего до позднего творчества.

Юный Ницше видел ключевой смысл государства в воспитании гения и охране культуры как высшей формы человеческой деятельности. Эта идея проговаривалась мыслителем в ряде предисловий к ненаписанным книгам, в частности, в текстах «О будущности наших образовательных учреждений»,

«Греческое государство», «Гомеровское состязание»⁵⁰. Философ полагал, что изначально люди пребывают в «естественном состоянии», представление о котором Ницше частично заимствовал у Гоббса.

В естественном состоянии невозможно никакое культурное творчество, поскольку тут люди в первую очередь заботятся о своем физическом сохранении и обслуживании физиологических потребностей тела. Появление же государства, которое представляет собой навязывание воли победителя покоренным народам, означает прекращение войны всех против всех и установление порядка, а также появление социальной дифференциации. В частности, Ницше считает, что именно в государстве появляется, с одной стороны, та группа людей, которая занимается физическим трудом, а с другой стороны, небольшое число индивидов, занятых культурным творчеством. Последних Ницше называет гениями, и считает, что именно они представляют собой смысл функционирования любого государства, единственная цель которого состоит в охране культуры и создании условий для дальнейшего появления гениев.

Однако с середины 70-х гг. Ницше все больше и больше проникается пессимизмом в отношении политики, понимая, что его философия государства не имеет ничего общего с реальностью. В частности, мыслитель отмечает, что государство и культура – скорее антиподы. Поводом к разочарованию выступает Франко-прусская война 1870-71 гг., в которой Германия одерживает победу. Ницше же полагает, что военные успехи не свидетельствуют о культурном развитии немцев. Скорее наоборот, где на первый план выходят патриотические и милитаристские настроения, там культура гибнет, поскольку высшей ценностью оказывает государство, а не выдающаяся гениальность, создающая культуру. Свою оценку реальной политики Ницше проговаривает в цикле «Несвоевременных размышлений»,

⁵⁰ Ницше Ф. О будущности наших образовательных учреждений // Полное собрание сочинений. В 13 томах. Т 1.1. М.: Культурная революция, 2012; Ницше Ф. Греческое государство // Полное собрание сочинений. В 13 томах. Т 1.1. М.: Культурная революция, 2012; Ницше Ф. Гомеровское состязание // Полное собрание сочинений. В 13 томах. Т 1.1. М.: Культурная революция, 2012.

в частности, в тексте «Давид Штраус – исповедник и писатель»⁵¹. Подобная критическая точка зрения сохраняется у философа практически до позднего творчества, наиболее ярко проявившись в «Так говорил Заратустра», где Ницше изображает государство в качестве монстра, самого холодного из всех холодных чудовищ, врущего на всех языках.

Изменения в оценки политики и государства происходят в последние годы жизни мыслителя, когда он обращается к идее большой политики. Она вновь предполагает, что ключевой вопрос политической деятельности – вопрос о культуре и воспитании народов, а поэтому Ницше надеется, что в будущем законодатели государств осознают эту важнейшую миссию, возложенную на них, и вновь посредством политики будут продвигать и развивать те или иные культурные ценности и нормы. Таким образом оказывается, что в качестве политического мыслителя Ницше скорее далек от анархических идей, поскольку в его творчестве присутствует оценка государства как необходимого зла, без которого культура невозможна.

В этой связи Ницше в целом высказывается об анархизме критически. Под феноменом анархии Ницше понимает линию преемственности между современной ему социально-политической идеологией и христианством — анархизм является секуляризованной формой этой религии. Со своим метафизическим источником его объединяет два аспекта: первый связан с телеологией. Как христианство предполагает движение мира к конечной форме порядка (Царству Божьему), так и анархизм следует логике возможности установления законченной формы общества, где эксплуататорам воздастся за ту несправедливость, которую они причиняли угнетаемым классам (например, рабочим). Очевидно, Ницше не приемлет любую телеологию, поскольку для него мир есть становление и игра сил, не стремящихся к завершенности, что философ выразил в концепции вечного возвращения (об этом еще будет сказано отдельно).

⁵¹ Ницше Ф. Несвоевременные размышления I. Давид Штраус - исповедник и писатель // Полное собрание сочинений. Т. ½. М.: Культурная революция, 2014.

Вторая линия преемственности между анархизмом и христианством – та движущая сила, которая порождает их. Ей становится ресентимент – чувство зависти слабого человека в отношении сильного. Как христианство, по мнению Ницше, стремится отомстить миру за его несовершенство, так и анархизм пытается отомстить несправедливой социальной действительности, чьей отличительной чертой является неравенство людей.

Анархизм, христианство, социализм и всякие другие «-измы» встраиваются Ницше в движение нигилизма и обесценивание жизни, приводящих к упадку творческих и жизненных сил. В частности, понятие анархии применяется Ницше не только при анализе нигилистических культурных процессов, но и с точки зрения декаданса процессов физиологических, разрушающих человека как цельный организм. Философ называет такое состояние болезни тела «анархией инстинктов»⁵².

В *Параграфе 2* анализируются анархические истоки собственной мысли Ф. Ницше в контексте влияния на нее творчества М. Штирнера, М. Бакунина, а также Л. Толстого и Ф. Достоевского, прямо и косвенно связанных с дискуссией об основаниях анархизма.

Самым главным из перечисленных авторов является М. Штирнер, родоначальник индивидуалистического направления в анархизме. Возможная теоретическая преемственность между двумя мыслителями породила множество философских споров, которые не утихают до сих пор. В частности, можно даже услышать, что Ницше просто заимствовал ряд идей у Штирнера, а поэтому в собственной философии не предложил ничего оригинального.

Насколько подобное утверждение справедливо – трудно судить, поскольку вопрос о интеллектуальной преемственности между Ницше и младогегельянцем осложнен тем, что в текстах Ницше имя Штирнера ни разу не упоминается. Поэтому все допущения того, что базельский профессор был

⁵² Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки / Пер. с нем. Г. Рачипского // Полное собрание сочинений: В 13 томах. Т. 1/1. М.: Культурная революция, 2012. С. 10.

знаком с текстом «Единственного», строятся лишь на косвенных свидетельствах учеников и близких друзей, которым Ницше якобы рекомендовал прочесть этот выдающийся текст по радикальной философии⁵³.

Если обратиться к анализу работ Ницше и текста Штирнера, можно выявить ряд напрашивающихся пересечений. Например, оба мыслителя критикуют традиционную мораль добра и зла, отстаивают идеалы сильной личности, независимой от общественного мнения. С другой стороны, Штирнера можно было бы назвать типичным нигилистом, критиком культуры как таковой, с чем Ницше, несомненно, не был согласен.

Тем не менее, несмотря на отсутствие окончательной точки зрения на то, знал ли Ницше о младогегельянце или нет, именно обнаруженное созвучие между идеями мыслителей во многом проложило путь к анархической интерпретации собственного ницшевского творчества.

Глава 2 обращена к историко-философской реконструкции. Тут анализируется популяризация ницшевской философии в разных странах (Германии, России, Франции и др.) и показывается, как это процесс шел параллельно к развитию регионального анархизма. Эта реконструкция позволяет выявить факт того, что зачастую именно анархисты играли важную роль в популяризации ницшеанского учения. Данная глава необходима, поскольку демонстрирует, что анархисты вообще были одними из первых, кто оценил философскую значимость Ницше, попытавшись интерпретировать его не только как философа культуры или религии, но также и важного мыслителя в рамках политической дискуссии. Глава состоит из **5 параграфов**.

Параграф 1 посвящен немецкому анархическому движению. Можно сказать, что анархизм в качестве самостоятельной силы появляется в стране в начале 90-ых гг. По большому счету он формируется через оппозицию к СДПГ (Социал-демократической партии Германии), так или иначе

⁵³ Levy A. (1904). Stirner and Nietzsche, Paris. URL: <https://www.marxists.org/subject/anarchism/levy/stirner-nietzsche.htm> (дата обращения 27.04.2020).

опирающейся на реформизм и компромиссы с властью, чему анархисты противопоставляли радикализм «прямого действия». Среди симпатизирующих анархизму было большое число богемы, художников и интеллектуалов, разделявших радикальные индивидуалистические настроения.

Одним из таких мыслителей был Дж. Г. Маккей, первый популяризатор штирнерианских идей. Маккей выпустил подробную биографию младогегельянца, заново переиздал текст «Единственного». Именно Маккей проговорил тезис, что Ницше был не первым, кто заявил о сверхчеловеке, бунтующим против несправедливого порядка. Первенство, согласно Маккею, несомненно принадлежало Штирнеру.

Тем не менее, в Германии в 90-ые гг. философия Ницше уже пользовалась популярностью, причем в среде тех же радикальных индивидуалистов. А поэтому спор о том, кто все же был первый в создании радикальной философии – Штирнер или Ницше, – нисколько не уменьшал, но только подогревал интерес к обоим мыслителям, которые все больше и больше становились актуальными для немецкого анархизма, также боровшегося с окружающей несправедливой реальностью государства.

Параграф 2 реконструирует историю российского анархического движения. Отмечается, что как идеи анархизма, так и учение Ф. Ницше постепенно обретали популярность в России с конца 1890-х гг. В частности, следует указать на тот факт, что в первых критических откликах на работы базельского профессора, Ницше напрямую называли анархистом и революционером, восстающим против старого порядка⁵⁴.

Поскольку ницшевское учение рассматривалось как намеренно антихристианское, поэтому в русской православной культуре первое впечатление от ницшенаских трудов было скорее отрицательное. Однако в начале 1900-х ситуация поменялась, так как в свет стало выходить все

⁵⁴ Грот Н. Нравственные идеалы нашего времени. Фридрих Ницше и Лев Толстой // Синеокая Ю. (ред.) Ницше: pro et contra. СПб.: РХГИ, 2001

больше и больше текстов, сопоставлявших взгляды немецкого мыслителя и великих русских писателей Толстого и Достоевского. Оказалось, что между указанными авторами существует большое количество общих черт, а поэтому Ницше постепенно интегрировался в русскую культуру Серебряного века.

Параллельно с этим, в российском обществе обретали силу анархические идеи, причем одним из важных авторов, способствовавших популяризации анархизма, был все тот же Штирнер, ренессанс которого на этот момент начался в Германии. Идеи младогегельянца стали актуальными не только для социально-политических теорий, но и для общей декадентской культуры страны начала XX в., в которой обострились радикальные индивидуалистические настроения. В этой связи не только Штирнер, но и Ницше сыграли важную роль в формировании настроений отечественной интеллигенции. В частности, на короткое время умы русских мыслителей захватили мистико-анархические идеи, напрямую обусловленные работами двух указанных философов.

Параграф 3 обращается ко Франции, также обсуждая предысторию и предпосылки анархического движения, духовный климат страны. Отмечается, что Франция рубежа веков была безусловным лидером по распространенности индивидуалистических идей, которые формировались как за счет Ницше, так и Штирнера. Как раз в это время их работы переводились на французский, и также, как в других странах, получали популярность среди радикально настроенной богемы писателей и художников.

Специфика французского анархизма на исходе XIX столетия заключалась в том, что это была максимизация насилия, выраженного в индивидуальном терроре. Первые анархические террористические акты были совершены в 1881, частично под влиянием российских событий покушения на Александра II. Впоследствии, в период с 1891 по 1894, французское

общество находилось в страхе из-за регулярной «пропаганды действием», самым известным примером которой стала деятельность анархиста Равашолья и его последователей⁵⁵.

Чуть позже, уже в первую декаду XX в., во Франции возникло движение так называемого иллегализма в лице банды Жюля Бонно⁵⁶, наследовавшей методам анархо-террористов 90-ых гг. Эта группа иллегалистов была примечательна тем, что, несмотря на свои откровенно преступные методы, ее участники действовали от имени штирнерианской философии, поставив в центр желания и стремления единичных индивидов, какую бы негативную оценку те не получали со стороны общества.

Конечно, помимо радикального анархизма, в 90-ых гг. во Франции постепенно набирал силы и синдикализм⁵⁷. В основном будучи массовым рабочим движением, синдикализм смог привлечь к себе и внимание интеллектуалов. В частности, Ж. Сорель, совместив в «Размышлениях о насилии» (1908) идеи Маркса, Бергсона и частично Ницше, выразил свое понимание целей и задач синдикалистского проекта.

Параграф 4 обращается к Италии. Тут обсуждается творчество итальянского поэта Габриэле Д'Аннунцио, итальянского популяризатора ницшеанских идей. История с Д'Аннунцио важна потому, что фактически он был первым, кто обратил внимание на ницшевскую философию в Италии, еще до пика ее популярности в начале XX столетия. Кроме того, Д'Аннунцио заложил определенный вектор рецепции идей автора «Антихриста». Например, итальянский анархо-индивидуалист Ренцо Новаторе⁵⁸ прочитывал ницшевские работы сквозь призму поэзии Д'Аннунцио, что делало из новаторевских текстов своеобразный синтез социально-политических и художественных концептов.

⁵⁵ Skirda A. Facing the Enemy. A history of Anarchist organization from Proudhon to May 1968. AK Press, 2002. P. 56.

⁵⁶ Подробнее см. Parry R. The Bonnot Gang. The story of the French illegalists. Rebel press, 1987.

⁵⁷ Woodcock G. Anarchism: A History Of Libertarian Ideas And Movements, New York: Meridian Books, 1962. P. 318.

⁵⁸ См. Novatore R. Collected writings. Ardent Press, 2012.

Параграф 5 анализирует историю анархизма и ницшеанства в США. Отмечается, что такие американские мыслители, как Р. Эмерсон и Г. Торо частично разделяли анархическое мировоззрение. Это оказывается важным, поскольку Эмерсон был значимым автором для самого Ницше, что открывает еще один анархический исток мысли базельского профессора. Показывается, что именно в США о Ницше узнали как раз за счет анархистов, которые были эмигрантами из Старого Света и привозили отсюда как слухи, так и непосредственно книги базельского профессора.

Одним из таких популяризаторов, принадлежавших к местной анархической традиции, был Бенджамин Таккер (1854 – 1939), товарищ Дж. Генри Маккея, состоявший с ним в активной переписке. Таккер, как и его европейские коллеги, относился к индивидуалистической школе анархистской мысли. Благодаря ему в Америке долгое время (с 1881 по 1908) функционировал журнал *Liberty*, ставший центром индивидуалистической теории, который по степени своего влияния уступал только гольдмановскому изданию *Mother Earth* (1906 – 1917). Именно в *Liberty* в 90-ых гг. появились первые переводы фрагментов ницшевских произведений⁵⁹, а также полное издание «Единственного» Штирнера в 1900-ых. Этот факт непосредственно подтверждает, что известность Ницше среди американской публики возникла благодаря анархическим кругам. Сам Таккер, конечно, как и другие индивидуалисты, больше симпатизировал немецкому младогегельянцу, а не автору «Заратустры», считая последнего недостаточно анархичным мыслителем.

Глава 3 посвящена концептуальному анализу идей. Тут рассматриваются основные понятия ницшевских текстов: вечное возвращение, воля к власти, рессентимент и др., и анализируется, как эти понятия использовались тем или иным анархическим теоретиком. Таким образом выявляется скрытый анархический потенциал, на имплицитном

⁵⁹ См. McElroy W. Benjamin Tucker, Liberty, and Individualist Anarchism // The Independent Review, v. II, n. 3. Pp. 421 – 434.

уровне присутствующий в работах немецкого философа. Глава состоит из *четырех параграфов*.

Параграф 1 рассматривает ключевую идею ницшеанской философии – вечное возвращение. Данное понятие формируется немецким мыслителем на контрасте к христианскому учению. Ницше не устраивало два аспекта этой религиозности: источник происхождения и онтология. Христианство, как предполагал мыслитель, проистекало из ressentимента, феномен которого описывается в работе «К генеалогии морали» (1887). В пространстве же онтологии, критика направлялась против телеологии как движения мира к совершенному порядку.

В свою очередь, в учении о вечном возвращении можно выделить два аспекта. Во-первых, допустимо указать на естественно-научный характер этой идеи, описывающей космологию в понятиях современного Ницше аппарата науки. Этот уровень гипотезы направлен на преодоление телеологии. Ницше признает динамичность сил, поэтому констатирует невозможность установления какой-либо конечной формы порядка – движение к цели оказывается неприемлемой для подобной модели космоса. Вслед за Гераклитом, философ вдохновляется представлением об изменчивости мира, однако в ином ключе: становление постоянно, значит, оно носит характер вечного становления, а поэтому приближенно к оформленному бытию, а не простому хаотичному изменению вещей.

Второй момент вечного возвращения включает в себя метафизическую область. Ницше признает недостаточность одной лишь естественно-научной гипотезы – она должна быть иллюстрацией философской идеи. Метафизический характер концепта вечного возвращения как раз выражен в «Так говорил Заратустра» (1883-85) и дневниковых записях. Здесь формируется представление о том, что возвращаются не только физические соединения сил и атомов неживой природы, но также человеческие деяния и судьбы. Это и составляет важнейший элемент повторения того же: вечное

возвращение сопряжено с дионисийским принятием мира, означающее примирение со страданиями и несовершенством окружающей действительности. В данном случае, ницшевская мысль направлена против другого аспекта христианства – ressentимента. Принятие жизни в ее несправедливости означает избавление от чувства мести и нечистой совести: в мире все происходит так, как происходит, человеку остается с радостью наблюдать извечную игру фатума по отношению к собственной судьбе.

Далее выявляется, как учение о вечном возвращении использовалось в анархических теориях на примере творчества немецкого анархиста Г. Ландауэра (1870 – 1919) и отечественного анархо-индивидуалиста Л. Черного (1878 – 1921), которые с юности прекрасно были знакомы с ницшевской философией.

Говоря о связи ландауэровской мысли с ницшеанским учением вечного возвращения, необходимо упомянуть работу «Революция» (1907). Здесь Ландауэр ввел два ключевых понятия, вокруг которых выстраивались рассуждения: концепты «топии» и «утопии». Топия означала текущий социальный порядок, законы и нормы поведения; утопия же была идеей, которая мотивировала на социальные изменения и трансформации.

В истории, как считает Ландауэр, происходит вечная смена двух конструкций: внутри топии появляется утопическая идея, которая уничтожает старый порядок, однако вновь приводит к установлению новой топии. Важно отметить, что Ландауэр отрицал существование первой топии, с которой началась история, равно как и возможность установления последней топии, к которой история стремится.

Исходя из этого, здесь Ландауэр мог заимствовать в том числе ницшеанскую перспективу видения мира. Во многих заметках Ницше критиковал телеологию – для него мир представлял собой не прогрессивное движение к конечной цели, но игру, никогда не застывающую в предельном состоянии. Преодоление телеологии, а также воззрения на Космос в качестве

статичного и неподвижного бытия, объединились у Ницше в концепции вечного возвращения, указывающего на динамичность сил, их постоянное повторение в одних и тех же формах

Анализируя же текст Л. Черного «Новое направление в анархизме: ассоциационный анархизм» (1907)⁶⁰, можно прийти к схожему выводу, как и в отношении Ландауэра. А именно, Турчанинов выделяет три основных типа социальных порядков. Первым он называет порядок *демократический*, в котором ценности всеобщего господствуют над единичным. Вторым является порядок *монархического (деспотического)* государственного устройства, когда в его главе стоит одна личность, обладающая безграничным могуществом над остальными людьми. Наконец, третий вид порядка должен наступить при *анархизме*, когда установится чувство уважения одного человека к другому.

Черный полагает, что в основе политического устройства лежат *моральные чувства* – любовь, эгоизм и уважение – сменяющие друг друга по ходу истории. Вместе с этими чувствами, в свою очередь, меняется и социально-политический строй. Из рассуждений Турчанинова можно сделать вывод, что чувство взаимоуважения и связанный с ним анархический порядок является наилучшим социальным строем. Однако отсюда не следует, что анархизм – конечная и завершающая стадия развития человечества, после чего этот строй установится раз и навсегда. Когда изменится моральное чувство, вместе с ним изменится и социальный порядок.

Подобная динамика общественной жизни Черным описывается через образ «круговорота». Эта метафора может отсылать к ницшевской концепции вечного возвращения, хотя помимо нее еще, например, к политической философии Платона. Тем не менее, именно ницшевской философской интуиции непосредственным образом содержится идея о *невозможности* установления конечной формы порядка, каким бы

⁶⁰ Чёрный Л. Новое направление в анархизме: ассоциационный анархизм. Нью-Йорк, издание рабочего союза «Самообразование», 1923.

благоприятным он ни был: мир составляет игра сил, количество которых конечно, что и обуславливает повторение их комбинаций в потенциально бесконечном времени. Поэтому даже когда наступает максимально совершенное соотношение сил, оно не означает завершенности. Эта интуиция и проговаривается Черным и Ландауэром: анархизм – несомненно идеальный строй, но, к сожалению, он не является концом истории.

Параграф 2 обращается ко второй важнейшей ницшевской идее – учению о воле к власти. Будучи как метафизическим, так и естественно-научным понятием, эта идея не обладает одним возможным способом истолкования. В этом понятии можно усмотреть натуралистическую идею о стремлении всякого живого организма расширять сферу собственного влияния и могущества; этический императив о власти над самим собой, как это провозглашалось еще, например, со времен стоической философии; наконец, метафизическую гипотезу, своеобразную трансформацию шопенгауэровского учения о воле как главной силе мироздания.

На примере творчества анархо-синдикалиста Рудольфа Роккера обнаруживается, как воля к власти интерпретируется в качестве социальной силы, движущей развитием человеческого общества. В частности, Роккер полагает, что именно воля к власти влияет на политические интересы в ходе истории. Для Роккера воля к власти – не естественный, но именно социальный закон. В частности, когда в обществе появляется правящая верхушка, стремящаяся к расширению собственной сферы влияния, то именно она и становится главным носителем воли к власти.

В роккеровской интерпретации механизм появления и реализации власти весьма сложен. Анархист полагает, что всякая власть не может быть властью, если не связана с каким-либо трансцендентным источником, в частности, с Богом. Здесь вырисовывается следующая картина роккеровского взгляда на человеческую историю. Изначально люди пребывали в естественном состоянии, для которого характерны чувства взаимопомощи и солидарности.

Несмотря на то, что конфликтность якобы была чужда первобытному человеку, это не могло избавить его от естественных страхов, таких как страх смерти. Чтобы преодолеть подобное негативное чувство, люди изобрели религию.

Однако будучи искусственным творением, религия начала функционировать по собственным правилам. Главным из них оказалась воля к власти, поскольку конечность человеческого существования объяснялась через вмешательство высших сил, обладающих властью над смертными. В свою очередь, религия послужила тому, что среди изначально равной группы людей выделились непосредственные служители культа, способные влиять на богов. Так возникло социальное неравенство.

Затем верхушка вождей, благодаря исключительному религиозному статусу, в том числе стала закреплять и свое исключительное социальное положение. Последнее означало возникновение государства, законы которого нацелены на сохранение власти господ. Первоначально государство было тесно переплетено с религией. Однако постепенно религиозная область секуляризовалась, оставив «чистое» государство. Соответственно, тут потребовался новый способ оправдать государственный институт. Им стала идея нации, якобы за счет государства обретающей единство и полноправное место на исторической арене. В связи с этим, Роккер считает, что как у любой религии есть совокупность священных текстов, отвечающих за догматику, так и у национального государства должна быть доктрина, обосновывающая его существование. Например, такой доктриной является демократическая теория, опирающаяся на концепт «общей воли» Руссо.

Поэтому Роккер полагает, что пока есть религии и государства, есть и воля к власти, а поэтому счастливое общественное состояние невозможно. Конец тирании насилия может положить анархизм, тоже будучи одной из форм воли к власти. Однако, в отличие от государства, анархизм преобразует волю к власти из стремления к господству в культурное творчество,

развивающее духовные ценности и идеалы. Роккер следует за Ницше в противопоставлении государства и культуры: они суть антагонисты, исключают друг друга. Получается, что анархизм для Роккера – один из видов большой политики, главная цель которой состоит в заботе о культуре и воспитании нового типа людей, которыми должны стать рабочие, восстающие против капиталистического порядка. Их восстание в первую очередь должно быть культурной революцией, и только во вторую открытым вооруженным противостоянием с государством.

Параграф 3 анализирует ницшевское представление о человеке. Отмечается, что немецкий философ критикует все учения, которые интерпретируют человека в качестве неизменного субъекта, носителя определенных устойчивых признаков (например, рациональности). Ницше считает, что неизменный субъект, человеческая природа – суть фикции и пережитки европейской метафизики. Вместо представления об индивиду уместнее говорить о дивидууме – то есть множестве личностей внутри одного человека.

В модели ницшевского субъекта можно выделить два аспекта: уровень социального и уровень непосредственно индивидуального, то есть того, что придает конкретному человеку уникальность и неповторимость. Общественная сфера приравнивается Ницше к области сознания, укорененного в языке. Посредством языка и осознанности человек «социализируется», то есть перенимает внешние по отношению к его неповторимой личности правила и нормы поведения, которые всегда *чужие* правила и нормы.

Подлинная индивидуальность же принадлежит к сфере инстинктов, невыразимых в языке, но проявляющих себя в человеческих действиях. «Познать самого себя» возможно лишь через те деяния, которые совершает человек – заранее имеющих теоретического фундамента и обоснованности

действия недостаточно, более того, обычно они приходят *post factum* содеянного.

Ключевое представление о субъекте, согласно позиции Ницше, может быть сформулировано следующим образом: индивид есть не просто ансамбль инстинктов, но их строгая *иерархия*, в которой господствует одна сила в каждый из моментов времени. Таким образом, ницшевский дивидуум – это множество сменяющих друг друга сил, которые подчиняются принципу воли к власти.

Далее показывается, как ницшеанское понимание человека актуально для анархизма на примере упомянутых ранее теоретиков Г. Ландауэра и Л. Черного. Оба мыслителя полагают, что человеческое не может быть определено посредством раз и навсегда заданных параметров. Более того, любое фиксированное определение человеческого всегда происходит со стороны государства. В свою очередь, ставка на динамического и вечно меняющегося дивидуума непосредственно означает уход от государственной политической логики и составляет важный элемент анархической борьбы со старым порядком.

Например, для Ландауэра человеческая личность обладает мистической глубиной, а поэтому не может быть познана в искусственно сконструированных понятиях науки. Для немецкого анархиста, как и для Ницше, не существует замкнутого на себе индивида; личность – это всегда открытость другому, а поэтому дивидуума конституирует огромное количество сил, а не какой-то один признак, вроде рациональности.

Параграф 4 посвящен этической проблематике. Здесь реконструируется ницшеанское учение о ressentimente и избавления от него. Возникнув в качестве самостоятельного концепта в работе «К генеалогии морали» (1887), ressentiment означал затаенное чувство мести слабого человека по отношению к сильному. Причем, это была скорее бессознательная месть – слабый мстил сильному сам не понимая того.

Рессентимент стал движущим чувством восставших рабов в морали, чему сопутствовала переоценка ценностей: ценности сильных обесценивались, когда же идеалы слабых вышли на первый план. Пик этой переоценки Ницше увидел в христианстве, религии слабых, а также анархизме как идеологии обездоленных. Если христианство мстило исходя из метафизической перспективы, то анархисты мстили буквально на практике. Данное социально-политическое учение, согласно базельскому профессору, не представимо вне текущего государственного устройства, являясь лишь реакцией на него, когда угнетенный класс мстит своим хозяевам различными способами в актах террора и бунтах.

Однако на примере творчества Алексея Борового и Жоржа Сореля демонстрируется, как эта ницшеанская задача по избавлению людей от затаенного чувства мести используется в анархической теории. Наиболее отчетливо эта установка звучит в позднем творчестве Борового в работе «Анархизм» (1919).

Несмотря на то, что работа начинается с критики индивидуалистической философии, в частности, учений Ницше и Штирнера, по ходу текста обнаруживаются периодические отсылки к ницшеанским идеям. В частности, Боровому импонирует романтизм философа, который верит в наступление нового мира и появление нового человека. Боровой считает, что анархизм также возможен в будущем, это и есть тот новый порядок, который возникнет после исчезновения государства. Однако русский анархист отрицает насильственные методы борьбы. Для него анархизм означает исчезновение насилия, а поэтому Боровой не приемлет насильственный же способ противостояния государству.

Вместо этого Боровой делает ставку на обновление человеческой природы. Он считает, что анархизм воплощается в действительность, когда человек освобождается от робости, смирения, зависти, и, самое главное, чувства мести по отношению к другим людям. В этой связи русский теоретик

отмечает, что именно Ницше дает наиболее ясное понимание проблемы мести, ее тлетворного действия на души людей⁶¹. Поэтому анархистам следует прислушаться к базельскому профессору, поскольку в задаче по избавлению людей от мстительности цели двух учений совпадают. Именно в этом Боровой видит анархический потенциал и анархические мотивы собственной ницшевской философии.

В творчестве Ж. Сореля, с которым Боровой, к слову, также был прекрасно знаком, обнаруживаются схожие интуиции. В тексте «Размышлений о насилии» (1907) Сорель изображает картину грандиозного пролетарского мифа, способного побудить рабочих к борьбе с капитализмом. Этим мифом является миф о всеобщей стачке – последней героической битве, когда пролетариат восстанет против несправедливости.

Сорель отмечает, что пролетарская стачка напоминает собой военные действия. При этом он полагает, что всякая война скорее есть война по правилам, когда противники не пытаются уничтожить друг друга, но скорее воспринимают врага в качестве равного себе. А поэтому справедливая война и пролетарская стачка проходят без чувства мести и ненависти к противникам⁶². В этом утверждении, на мой взгляд, Сорель повторяет идею Ницше об опасности ressentimentа.

В частности, для Сореля, Борового и Ницше очевиден тот факт, что мстительность порождает акты бесконтрольного насилия. Если понимать насилие как цепочку действий (всякий насильственный акт порождает ответную реакцию, например, оборону или месть, которые остаются насилием), то эта цепочка уходит в бесконечность, и человеческое сообщество не может пребывать в безнасильном состоянии, являющимся анархическим идеалом. Соответственно, анархизм достижим только посредством *прощения*. Последнее оказывается приостановкой логики насилия и прямым отказом реагировать на него, тем самым останавливая

⁶¹ Боровой А. Анархизм. М.: URSS, 2016. С. 118.

⁶² Сорель Ж. Размышления о насилии. М.: Фаланстер, 2013. С. 117.

цепочку неконтролируемых насильственных актов. На мой взгляд, это утверждение является ключевым для анархической интерпретации философии Ницше.

Наконец, **Глава 4** обращается к современной теории постанархизма. Она формировалась на исходе XX в., когда в 80-ых гг. в оборот был введен сам термин постанархизм, показывающий начавшиеся преобразования внутри анархического учения, вызванные концептуальными наработками постструктурализма и психоанализа. Глава состоит из **4 параграфов**.

Параграф 1 обращается к истории постанархизма. Постанархизм, с одной стороны, возник за счет критики существовавшей анархической традиции, ее обновления и адаптации под новые условия. Однако у этой анархической программы сразу же появился ряд проблем. В частности, достаточно сложно определить границы понятия постанархизм, а также те условия, за счет которых возможно говорить об этой концепции в качестве самостоятельного направления анархической теории.

В частности, современные теоретики анархизма утверждают, что классический анархизм XIX – начала XX вв. обладал некоторыми теоретическими проблемами. Главной из них был *эссенциализм*. Под эссенциализмом подразумевается факт того, что авторы прошлого якобы предполагали наличие врожденной «доброй» человеческой природы, которую требуется защищать от «злого» государства-Левиафана. Подобное представление о раз и навсегда заданной природе человека не устраивает современных постанархистов, в критике эссенциализма следующих за теоретиками постструктурализма, утверждая историчность всего человеческого и отказывая людям в обладании врожденными характеристиками.

Однако такой взгляд на фундамент классического анархизма является ошибочным (или, по крайней мере, спорным)⁶³, поскольку не подтверждается текстами первоисточников, с которыми постанархисты зачастую оказываются плохо знакомы. Вследствие этого преодоление и преобразование классической анархической традиции со стороны постанархистов оказывается условным фактом, поскольку эта самая традиция никогда не содержала в себе элементы, подвергающиеся затем переосмыслению.

Поэтому для обоснования того фундамента, на котором вырастает постанархизм, можно предложить иной критерий, помимо критики классического анархизма и противопоставления этой традиции А именно, постанархизм начал формироваться в том момент, когда в рамках анархической программы появился новый ключевой автор, которым оказывается Ницше⁶⁴. Отсюда следует вывод, что рубежом зарождения постанархизма можно назвать 90-ые гг. XIX в., на момент которых сразу в нескольких странах произошла адаптация ницшевской философии к анархической теории.

Все те авторы, о которых до этого шла речь в диссертации, не только составляют плеяду анархистов-ницшеанцев, но также входят в число протопостанархистов, заложивших фундамент современной дискуссии об основаниях данной социально-политической программы. Следующие **3 параграфа** обсуждают основные черты постанархизма в контексте ницшеанских идей.

Параграф 2 посвящен политической онтологии и эпистемологии постанархизма на примере творчества Э. Коха и Т. Мэя. Наиболее показательна здесь работа Э. Коха «Пост-структурализм и

⁶³ Jun N. Reconsidering Post-Structuralism and Anarchism // Post-Anarchism. A Reader / Ed. by D. Rousselle and S. Evren. London, New York: Pluto Press, 2011. P. 231.

⁶⁴ Например, см. Day R. Hegemony, Affinity and the Newest Social movements: at the End of the 00s // Post-anarchism: a reader, ed. by Rousselle D, and Evren S. Pluto Press, 2011. Pp. 95 – 117; Day R. Landauer Today // Landauer G. Revolution and Other Writings: A Political Reader, ed. by Kuhn G. PM Press, 2010. Pp. 6 – 10.

эпистемологический фундамент анархизма»⁶⁵, вышедшая впервые в 90-ых гг. XX в. и затем неоднократно переиздававшаяся.

Реконструируя основные ходы рассуждения Коха, можно предложить следующую специфику «политической онтологии» постанархизма, а также ее главные отличия от онтологии анархизма классического. В частности, Кох считает, что основная претензия классических анархистов XIX в. к государству заключалась в том, что последнее не создавало условия для совместной жизни, но приводило к многочисленным социальным конфликтам. Тут возникало противостояние искусственного порядка, являющегося *злом самим по себе*, и благой человеческой природы, которую анархисты стремились защитить от Левиафана. Таким образом, классический анархизм, по мнению постанархистов, покоился на логике двух начал, проявленных в мире. Именно эта оппозиция абсолютных добра и зла в социально-политическом пространстве потребовала критической оценки, поскольку она едва ли удовлетворяла реалиям современного мира.

Для построения постклассической эпистемологии и онтологии анархизма необходима новая философская оптика. С концептами человеческой природы, добра и зла, сопряжена фундаментальная идея об *истине как таковой*, понятой в качестве самостоятельной реальности, существующей независимо от познавательных способностей человека. Классический анархизм якобы находился в этой платонической (или же просвещенческой) парадигме, которая, после философии постструктурализма, уже не может быть актуальной в XXI столетии.

Следовательно, здесь возникает задача преодоления концепта истины в рамках анархического учения, что требует создания другого языка этой теории. Как не сложно догадаться, философия Ницше замечательно подходит под задачу критики платонической парадигмы классического анархизма. Ницшевский генеалогический метод ставит под вопрос феномен истины,

⁶⁵ Koch A. (2011) Post-Structuralism and the Epistemological Basis of Anarchism // Post-Anarchism. A Reader / Ed. by D. Rousselle and S. Evren. London, New York: Pluto Press, 2011. P. 23 – 41.

поскольку генеалогия показывает предпосылки любого высказывания, претендующего на свой абсолютный статус.

Философия базельского профессора нивелировала пространство вещей-в-себе, оставив один лишь мир воли к власти, для которого не применима категория истины. Соответственно, отказ от концепции истины в рамках языка постанархима означает, что само это движение невозможно описывать, скажем, исходя из антропологической перспективы. Если анархисты прошлого исходили из существования истинной природы человека, то постанархисты понимают субъекта как процесс постоянного становления, но не отражения предзаданной сущности.

В свою очередь, опора на концепт воли к власти внутри политической онтологии постанархизма позволяет преодолеть «пассивность» анархического движения. Если до Ницше, развивая рассуждения Коха, государство рассматривалось анархистами в качестве самостоятельной реальности, являющейся источником господства, то после принятия тезиса, что мир есть воля к власти, представление о государственной машине, стоящей «над» людьми, перестает быть актуальным. Скорее, вся действительность тождественна противоборству сил, а поэтому понимание власти расширяется – она больше не связывается только лишь с государственными институтами. Политика сводится теперь просто к столкновению сил (что само по себе, конечно, не является новым утверждением, но на контрасте с классическим анархизмом оно может представлять интерес), или же, воле: с одной стороны, «воли к плюрализму», которой оказывается анархизм, с другой – «воли к тотальности», тождественной стремлению сохранить государство. В этом противостоянии важно, что ни одна из сторон не претендует на правоту собственной позиции, поскольку категория истины потеряла свою значимость.

Более того, в мире воли к власти не может быть реактивных сил, но только силы активные. Поэтому анархизм, поскольку он проистекает из мира

воли к власти, автоматически превращается в активную творческую стихию, противостоящую государству как еще одному полюсу воли к власти. Следует понимать, что ни анархизм, ни государство не оцениваются с точки зрения добра и зла, в чем устанавливается дистанция между постанархистами и классиками (Бакуниным, Кропоткиным, Прудоном), видевшим в государстве и власти абсолютно злое начало. Подобный бинарный язык не работает в постанархической перспективе.

Параграф 3 непосредственно обсуждает модель субъекта в постанархизме на примере работы Л. Колла «Постмодернистский анархизм»⁶⁶.

Ключевыми нововведениями Л. Колла являются понятия «анархии становления» и «анархии субъекта». В них кроется ключ к анархическому прочтению ницшеанства, помимо того, что уже было рассмотрено ранее. Эти понятия в том числе развиваются под влиянием философии Ж. Делеза и М. Фуко, которым посвящена отдельная глава монографии: французские постструктуралисты аналогичным образом определяли субъекта динамично, без апелляции к универсальным атрибутам, таким как рациональность⁶⁷.

Что подразумевается под концептами «анархии субъекта» и «анархии становления»? Здесь скрывается идея, идущая еще со времен Штирнера. «Анархия субъекта» предполагает, что мы не способны сказать ничего конкретного о человеке. Любое высказывание, претендующее на то, чтобы схватить какой-то раз и навсегда заданный аспект субъективности, находится внутри просвещенческой парадигмы, а поэтому будет ошибочным в мире ницшевской воли власти – той самой «анархии становления», лишенной статичности.

Колл полагает, что модель подобного изменчивого субъекта должна быть взята на вооружение современными анархистами. Динамизм

⁶⁶ Call L. Postmodern Anarchism. Lexington Books, 2002.

⁶⁷ Об этом подробнее см. монографию Поляков Д. Б. (2019) Постанархизм. Субъект в пространстве власти. Чита: ЗаБИЖТ, 2019.

расценивается как один из способов сопротивления властным отношениям, интерпретирующихся сквозь рациональность. Та, вслед за ее фукольдианским определением, производит индивидов путем применения к ним категории нормы, а значит вопрос о природе власти больше не рассматривается с одной только политической точки зрения.

Через динамическое понимание личности в том числе устанавливается дистанция между современными и классическими анархистами в лице Прудона, Бакунина и Кропоткина. Колл считает, что классический анархизм использовал модель статичного и универсального субъекта, был связан границами человеческой природы, определявшейся, например, как стремление к взаимопомощи у Кропоткина. Классические анархисты, по мнению Колла, не смогли дистанцироваться от порядка, который критиковали, так как не реформировали свой язык – посредством него заимствовалась политическая логика той социальной действительности, против которой направлялась мысль анархистов, а поэтому нельзя было говорить о полноценном преобразовании общественной жизни.

Исходя из этого, Колл отдает должное ницшеанской философии, поскольку та переосмысливает лингвистические основания субъективности, в которых проявлялась статичность рациональности. Именно Ницше, считает Колл, был первым, кто заговорил о субъекте-номаде, ускользающем от возможности определений рациональным дискурсом. Ницше рассматривал человека как произведение искусства, подлежащее бесконечным возможностям для интерпретации, а поэтому не может существовать раз и навсегда заданной природы человека.

Вслед за базельским профессором Колл отмечает, что субъект нового типа должен перманентно реинтерпретировать собственные границы, выходя за их пределы – так достигается динамичность и «анархия становления», являющиеся главным элементом современной анархической тактики. В мире, где власть принимает скрытые формы, отличные от одной только власти

политической, сопротивление ей ведется в том числе в пространстве субъективно-индивидуального. Идея «анархии субъекта» является иллюстрацией подобного противостояния властным отношениям путем преодоления статичности рациональности, нормированности и дисциплинарности.

Наконец, *Параграф 4* комплексно анализирует постанархическую теорию на примере работ С. Ньюмена. Этот автор сегодня является одним из ведущих постанархических мыслителей, разрабатывающих цельную программу постанархизма. Ньюмен опирается как на концептуальные наработки Э. Коха, Т. Мэя, Л. Колла, так и других современных мыслителей.

Например, как и рассмотренные выше авторы, Ньюмен обращается к ницшеанско-фукольдианской генеалогии власти. Если предшествующая анархическая традиция считала, что человек может быть свободен от власти, поскольку ее источником оказывается государство, уничтожение которого означает конец всякого господства, то Ньюмен предполагает, что невозможно представить социальный порядок, полностью лишенный власти. Пока индивиды вступают в отношения друг с другом, это означает, что они также находятся внутри власти. Сам факт коммуникации допускает власть, равно как ее допускает множество других практик.

Ключевая ньюменовская интерпретация анархизма заключена в том, что это социально-политическое движение является выражением радикальной политики, находящей по ту сторону политики государственной. Снимая задачу гармонизации общества, Ньюмен предлагает трактовку социального порядка в качестве *военной модели* (war model)⁶⁸, что уже имплицитно намечалось в работах Э. Коха и Т. Мэя, но не было продумано до логического завершения.

В построении этой концепции Ньюмену помогает Ницше. А именно, военная модель «общества» предполагает, что действительность

⁶⁸ Newman S. From Bakunin to Lacan: Anti-Authoritarianism and the Dislocation of Power. Lexington Books, Oxford, 2001. P. 50.

тождественна множеству противоборств и пересечений сил, открыта к интерпретациям, и никогда не пребывает в состоянии окончательной завершенности. В некотором смысле, ньюменовская идея социального порядка близка к ницшевскому представлению о вечном возвращении того же, когда динамизм и изменчивость придают Космосу характер оформленного бытия за счет никогда не прекращающейся трансформации различных конфигураций сил.

В свою очередь, реализация анархизма возможна, согласно Ньюмену, в «автономных зонах» прямого действия, вне государственного бюрократического регулирования. Если постанархизм позиционирует себя в качестве антиглобалисткой и антиуниверсалистской теории, ориентируясь на момент локального сопротивления власти здесь и сейчас, то анархическая практика может пониматься в качестве внесения элемента случайности и ненормированности в господствующий дискурс, приводящих к его дестабилизации.

В частности, Ньюмен полагает, что одним из самых действенных способов дестабилизации оказывается разрушение идентичности субъектов текущего государственного порядка. Имеется в виду, что подобными дестабилизирующими элементами, за счет которых определенный тип субъективности на территории конкретного государства начинает размываться, могут служить маргинальные группы, одновременно включенные и исключенные из режима власти. К ним относятся как мигранты, так и различные сексуальные или же расовые меньшинства. Единственное, важно учитывать, чтобы эти меньшинства не обособливались в своей собственной эссенциалистской субъектности, но ориентировались на общую анархистскую цель сопротивления господству во имя идеалов свободы и равенства (как бы идеологично, конечно, это не звучало). Таким образом, современный анархизм не представляет собой единого движения

(хотя представлял ли он его когда-либо?), но является пересечением множества локальных точек сопротивления власти – анархизм ситуативен.

Наконец, Ньюмен приходит к выводу, что анархизм – это изнанка политики. А именно, анархизм одновременно «аполитичен» (если под этим термином понимать отказ от легальной политической активности), и тотально политизирован, обращаясь к политическому измерению напрямую. Если современное государство – это пространство деполитизации, то только анархизм сохраняет сегодня изначально присущую конфликтность политическому измерению. Поэтому для Ньюмена будущее анархизма связано с созданием все большего числа автономных зон, в которых люди могли бы решать свою судьбу напрямую, без участия третьих лиц и государства как такового. И Ницше очень удачно встраивается в эту задачу, предоставляя мощный инструментарий по критике любых идеологических «измов», и разоблачая как основания государственной власти, так и утопические и догматические элементы старого классического анархического учения.

В **Заключении** подводится итог проделанной работы и делаются следующие выводы. Во-первых, Ницше оказывает ключевое влияние на анархическое учение в качестве критика этой социально-политической программы. Многие авторы соглашаются, что философ справедливо упрекает анархическое движение в реактивном характере, что напрямую связано с ресентиментом. Анархизм должен быть не пассивным ответом на те проблемы, которые связаны с государством, но созданием новых идей и ценностей, не имеющих никакой корреляции с текущим порядком.

Во-вторых, философия Ницше дает важный фундамент для анархической этики. Ключевыми здесь являются размышления базельского профессора по поводу христианской морали, ее недостатков, а также попытка найти новый фундамент для моральных чувств (то, что у Ницше названо этикой любви к дальнему). Анархисты солидарны с автором «Заратустры» в том, что

претворение анархизма в действительность невозможно без морального преобразования человеческой личности, которая должна усвоить новые нормы поведения, связанные с уважительным отношением к другим людям, а также любви к культуре. Без последнего наступление анархизма невозможно.

В-третьих, Ницше задает для анархизма новые параметры в определении человека. Если политическая философия начинается с антропологии, то именно ницшеанская антропология оказывается фундаментом анархической политической мысли. А именно, Ницше вводит важный концепт дивидуума в качестве такой человеческой личности, которая не обладает никакой устойчивой природой и способна постоянно менять социальные роли и маски. Подобная изменчивость субъекта созвучна анархическим теоретиком, поскольку они проводят прямую связь между рациональностью, властью и государством. Там, где рациональное *cogito* упраздняется, там субъект освобождает от интериоризированного действия власти, а значит делает еще один шаг в сторону анархии.

В-четвертых, Ницше конструирует новую «политическую онтологию», напрямую связанную с вечным возвращением и волей к власти. Действительность для немецкого философа имманентна, ее составляют вечно сталкивающиеся силы, не хорошие и не плохие. Это означает, что базисом жизни является действие и способность реализации этих самых сил. В этой связи анархические теоретики развивают заданную логику дальше, также полагая, что анархизм – это одна из сил, проявленных в политике, которая очищается от моральных оценок. Истинность анархизма измеряется не абсолютными категориями, а успешностью борьбы за анархические идеи, которая происходит всегда здесь и сейчас.

Наконец, следует обратить внимание и на историографию анархизма XX в. и современности. Поскольку Ницше стал новым автором в рамках анархических программ в XX столетии, то само обращение к немецкому философу означало следующий этап эволюции анархических учений.

Фактически, за счет Ницше возникло постклассическое направление анархизма уже с 90-ых гг. XIX в, которое на исходе рубеже XX и XXI вв. оформилось под рубрикой постанархизм.

Это позволяет заключить, что анархическая рецепция ницшеанской философии не является фальсификацией идей мыслителя, как это было в случае с национал-социализмом, и несмотря на собственное ницшевское неприятие анархического учения оказывается, что между ними существует много общего, что позволяет назвать анархизм (с рядом важных оговорок) аутентичной интерпретацией идей немецкого мыслителя в рамках социально-политической философии.